

В одно из посещений я застал Александру Александровну за чтением “Романа без вранья” Мариенгофа о Есенине. Я читал до этого ранний вариант романа, где Мариенгоф называл себя сподвижником поэта, но в то же время выставлял его в невыгодном свете. Позже, видимо осознав, что это его самого не красит, Мариенгоф отредактировал книгу, убрав наиболее одиозные места. Но и тут недоброжелательство сочилось чуть ли не с каждой страницы. Он договаривался до того, будто Есенин стеснялся своей деревенской родни. Поэт на самом деле гордился родством с деревней. (“Я ли не Есенин, я ли не мужик”), писал матери — “Ты одна мне несказанный свет”, с любовью писал о сестрах. Может быть, Мариенгоф вообще не читал его стихов, что написал такое? Да, нет, читал. Речь шла, наверно, о комплексе, похожем на тот, который Сальери испытывал по отношению к Моцарту. В новом издании был помещен несколько исправленный, не такой злобный вариант книги. “Есть там что-нибудь без вранья?” — спросил я. “Ничего, кроме вранья”, — ответила Есенина. Она сетовала, что иные мемуаристы сосредотачиваются не на личности Есенина, а на его болезни. Им и этого мало, и они добавляют детали, которых не могло быть вообще. “Ты помнишь дом в Брюсовском переулке? Так вот, один из авторов пишет, что купив подарок для своего села, Есенин под влиянием спиртного будто бы пытался выбросить бочку с керосином во двор нашего дома через окно на лестничном пролете. Ты помнишь там окно?” “Во-первых, оно узкое, там ни одна бочка не пролезет. А главное, это венецианское окно находится на высоте примерно трех метров. Залезть на него невозможно ни пьяному, ни трезвому” — “Придумывают, каждый, во что горазд. Сергей был добрым, нежным к нам, своим друзьям, вообще очень деликатным. А ему приписывают что-то зверское.”

ДЛЯ МЕНЯ эти выпады представлялись продолжением травли, которой поэт подвергался в последние годы своей обидно короткой жизни. Странно, что и Есенин, и Маяковский, стоявшие на разных полюсах поэтики, удостоились сходной судьбы. Причина, видимо, была одна — масштаб и самобытность таланта. Но если Маяковского в суждениях хулителей как-то извиняла приверженность городской тематике, то на Есенина был направлен основной залп теоретиков РАППа, видевших в “деревенскости”, корневой основе его стихов сопротивление космополитичности, ему вменялась в вину преданность русским традициям.

Не один Есенин подвергся злейшим нападкам и преследованиям в этой связи. По обвинению в фашизме был расстрелян его близкий друг Ганин. А через год с небольшим после нашей встречи на есенинском огороде в Константиново был арестован сын Есенина от Изрядновой Юрий (Георгий), которому приписали чудовищное обвинение в фашизме. Предложили: пусть парень подпишет признание — ему ничего не будет, поскольку это вроде как бы шутка. Шутка окончилась расстрелом веселого, безобидного парня. Самого Есенина провоцировали не раз, арестовывали, затевали процессы, пытаясь изобразить расистом. После смерти поэта подверглись арестам и ссылкам поэты его круга — Клычков и Клюев. Подо все это подводилась та же идеологическая база, которая позволяла творить произвол против крестьянства и казачества. По обвинению в стремлении к созданию Крестьянской партии был, например, арестован и расстрелян видный ученый и писатель Чайнов. Кампания против крестьянства охватывала обширные области — от литературных до политических процессов. Инспирировалась она на высоком уровне, особенно, близким окружением Л. Троцкого.

И уже много лет спустя традиционное, народное начало в нашей литературе все еще принижалось, награждалось пренебрежительной кличкой “деревенщички”, хотя именно это течение дало нашей литературе крупнейшие и славные имена — от Шолохова до Белова, Абрамова и Распутина. Именно на этом дереве оказались в итоге самые лучшие и зрелые плоды творчества.

Моему отцу приходилось сталкиваться с этим не понаслышке. Он в тридцатые годы был руководителем Всероссийского общества крестьянских писателей. И хотя входившие в него писатели и поэты в целом разделяли официальную идеологию, их яростно травил псевдопролетарская критика. (Стоит ли говорить, что никто из этих гонителей никогда не стоял у станка?) Увы, небезгрешен в этом деле был и М. Горький. На одной из фотографий отец был снят рядом с Горьким, выступающим на съезде крестьянских писателей. На вопрос, как Алексей Максимович относился к крестьянскому направлению, отец ответил: “К нам на съезд он приходил и сделал доклад. Даже мой рассказ “На стойле”, где пастухи слушают историю Макара Чудры, похвалил. Но к крестьянам относился неприязненно, настороженно. Считал нас всех собственниками”.

Дело не ограничивалось одной неприязнью. В письме Н. И. Бухарину из Сорренто Горький предупреждал, что в СССР опасный размах приобрела “работа писателей-

гибах и ошибках, тем не менее считал, что выход деревни из нищеты может быть лишь на коллективных, добровольных началах. Сам участвовал в организации колхоза в своем родном селе Соболевка, Пензенской области. Обвинение было липовым, но опасность состояла в том, что выдвигал его тот Павловский, который предлагал сыну Есенина “в шутку” подписать поклев на себя и расплатиться в итоге своей жизнью. Отцу повезло в том, что младший следователь, начинающий писатель, читал его рассказы, уважал как писателя и человека. Он помешал подкопам “старшего”. После шести изнурительных месяцев тюрьмы заболевшего отца освободили “за отсутствием состава преступления”. Вряд ли такой исход стал возможным, узнай о дружбе писателя с семьей Есенина следователь Павловский, который осудил на смерть сына поэта.

ЭТИ ЛЮДИ не могли простить Есенину и то, что он, казалось бы, далекий от текущей политики, на самом деле с удивительной прозорливостью видел черные семена злобы, которые они разбрасывали в стране. “Напылили кругом. Накопытили. И пропали под дьявольский свист.” Если бы пропали... А то еще многие десятилетия вредили делу народа, его духовному и физическому развитию.

Незадолго до смерти он взмолился — “Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть”. И удивительно разумно, беззлобно, поразительно человечно писал:

**“Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине”.**

Эти строки написаны в 1925 году. Человек редкой интуиции, Есенин физически ощущал, что кольцо охоты на него сжимается. Поехал на Кавказ, в Баку, но здесь встретил Блюмкина, чекиста, убившего безнаказанно германского посла Мирбаха, натворившего много бед в Иране и Монголии. Тот лип к поэту еще в Москве и пригласил посмотреть, как он расстреливает “буржуев” в подвалах. Есенина трясло от его вида, и в одном из стихотворений он явно имеет в виду этого кровожадного честолюбца: “Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам”. Возможно, вместе с Львом Троцким он послужил поэту прообразом Лейбы Чекистова в одной из последних поэм. В Баку Блюмкин взревновал Есенина к своей жене и носился за ним с револьвером, грозясь убить. Есенин скрывался у журналиста Петра Чагина. Затем уехал в Москву, там попросил знакомого профессора укрыть его в своей клинике. Вырвался в Константиново, но и там не ощутил покоя. И в этот момент журналист Эрлих приглашает его в Питер, обещает издать сборник его стихов и поселит в гостинице “Англетер”.

Есенину кажется, что он обретет здесь покой. Он работает над версткой книги, не пьет, полон надежд. И вдруг его находят повесившимся в номере гостиницы. Впрочем, такова была официальная версия. Но вот что было необъяснимо. Дверь его номера была закрыта на ключ снаружи. Невозможно представить, как мог он запереть себя снаружи!? В номере все было перевернуто вверх дном. На фотографии английского корреспондента, который одним из первых вошел в номер, виден тяжелый канделябр с шипами, валяющийся на полу. По версии следователей этот канделябр, поставленный на табурет, будто бы помог поэту взобраться под самый потолок и там, на высоте 5 метров 20 сантиметров (!) накинуть на себя ремень от чемодана, который даже не оставил полного странгуляционного (то есть от удушья) следа на горле. Его нашли с правой рукой, судорожно сжатой в локте, со следами порезов. В качестве свидетельства, что это было самоубийство, Эрлих представил стихотворение “До свиданья, друг мой, до свиданья”, которое ему передал поэт накануне. А причиной был назван творческий кризис. Маяковский даже написал — “Нет, Есенин, это не насмешка. Дать, чтоб щеки заливал смертельный мел...”

Не осталось никаких следов рукописей, над которыми работал в номере Есенин. Поваленная мебель, смятые ковры создавали картину, будто в номере шла борьба. Все это вызвало подозрения, что Есенина убили и выдали за самоубийство. А стихотворение, якобы забытое Эрлихом в своем кармане, должно было подтвердить добровольную кончину “непугевого поэта”. Однако художник Сварог, делая посмертные наброски с поэта, не сомневался, что перед ним — убитый.

Вдова коменданта гостиницы “Англетер” Назарова, выступая в преклонном возрасте по программе ленинградского телевидения “Пятое колесо”, сказала, что ее муж перед смертью признался, что участвовал в инсценировке самоубийства Есенина. Похоже, именно он вместе с помощником сперва взгромоздил труп только что

ТАЙНА

Его гибель была не самоубийством, а убийством

ЕСЕНИН ИЛИ

крестьян”. “Надо бы, дорогой товарищ, Вам и Троцкому указать писателям-рабочим (держимордам из РАППа, Л. З.) на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Посему надлежит “подвергнуть нещадной критике идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов”. Наибольшее неприятие у М. Горького вызывал “талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае”. Удивительное дело — образ мужика-скотины и зверя был более приемлем для него, чем лиричный и человеческий голос Есенина. “Это не та лирика”, гневался он. А в письме главному тогда редактору “Правды” Льву Мехлис Горький добавлял: “Неонародническое настроение, или течение, созданное Клычковым-Клюевым-Есениным... становится все заметней, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и в конце концов ведет к фашизму”. Позже Бухарин, после гибели Есенина, опубликовал в “Правде” гнусную статью о России — пьяной бабе, которую будто бы воспевал поэт. Призывы к расправе с крестьянским направлением и, в частности, “талантливым плачем” Есенина по деревне принимали доносительский уклон. Сказалось это и на моем отце. В апреле 1938 года его арестовали и посадили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Обвинение было своеобразным — “антисталинист-одинок”. (Наша соседка по квартире соорудила пасквиль на основе того, что отец как-то высказал ей критику модного тогда лозунга “Сталин наш родной отец и учитель”: “Подхалимы вместо комплимента соорудили нечто неприличное. Получается, что Сталин причастен к акту зачатия всего советского населения.”) Но не найдя здесь нужной зацепки, следователь Павловский сосредоточился в ходе допросов на другом: зачем П. Замойскому понадобилось возглавлять общество крестьянских писателей? Не в пику ли пролетарским писателям? Не для борьбы ли с коммунистическими взглядами?

Бывший пастух и инвалид первой мировой войны, коммунист с мая 1918 года, отец, написавший о коллективизации роман “Лапти”, где откровенно писал о пере-

убитого человека чуть ли не к потолку. А потом поняли, что, увидав его там, люди просто не поверят, что был избран столь акробатический вариант самоубийства. Отсюда и вранье насчет канделябра. Скорее всего ударом им по голове был оглушен поэт. Неправдоподобна была и версия, будто шрамы на локте были связаны с тем, что он своей кровью писал стихотворение-завещание. Но шрамы-то были на правой руке! Непокорная рука явно была порезана убийцами, но все равно не выпрямилась, как бывает, если человек действительно сам расстается с жизнью. А что касается стихов с предчувствием смерти, их было у Есенина немало и ранее. Это один из мотивов поэтической скорби, он встречается у многих поэтов. Позже выяснилось, что управление гостиницей “Англетер” принадлежало НКВД, в той системе работали Назаров, Блюмкин и Эрлих.

В версии о смерти великого поэта столько несообразностей, что можно только удивляться, как ее торопливо и неумело оформляли. Не было настоящей экспертизы ни тогда, ни потом, когда вдруг в средства массовой информации было вброшено через несколько десятков лет заключение других, уже современных экспертов. Очевидной целью акции было снять любой ценой сомнения относительно того, что произошло той трагической декабрьской ночью в Ленинграде. Впрочем, по этому поводу вышло много литературы и каждый может для себя найти достаточно убедительный материал. Удивительно другое — как могли некоторые члены есенинского общества десятилетия спустя подкрепить своими подписями сомнительный новодел? Ведь некоторые из них незадолго до этого доказывали, и весьма убедительно, что именно на 1924–1925 годы приходился удивительный подъем есенинского таланта, что в его стихах того периода не было и тени творческого упадка, который мог объяснить его преждевременную смерть. Впрочем, как раз повторное рождение неубедительных вер-